

Мица (Эстер, Катерина и Маргарита) ему помогали. Отец рассказывал нам, что он участвовал в Первую мировую войну на стороне Австро-Венгрии. Девчонки весело щебетали. Особенно мне нравилась старшая, Мица. Она была моложе меня на год. Я стал бывать у них дома, познакомился с их матерью, называл ее «тетка Сэя», она меня «Павле». Подошел мой день рождения, 12 июля. Тетка Сэя устроила пышное торжество, я позвал двух ребят из нашей палаты, Ивана Петровича и Гришу – ростовчанина. Гриша прихватил с собой гитару и мы попели песни тех времен под его аккомпанемент. Правда, «тетка Сэя» попросила, чтобы мы обошлись без выпивки, потому что «у нас есть люди, которые меры не знают – сказала она, указывая на своего мужа – и напиваются, как свиньи». Так получилось, что ни я, ни мои ребята не были большими любителями вина и с ней согласились. Сладкого было много и чай был очень вкусный.

Лечение мое продолжалось долго, потому что рана никак не заживала и образовался свищ. Наша дружба с Мицей переросла в настоящую любовь. Я почти каждый день ходил на виноградник, помогать в работе семье Крижанович (такая у них была фамилия) или был у них дома, на улице Масарика 82. Вопрос с моей одеждой решился так.

На мое счастье в нашем госпитале я прослыл «точильщиком скальпелей» и сестра–хозяйка, поручавшая точить скальпели, выдала мне из своих запасов хлопчатобумажные штаны армейского типа, немецкие ботинки с крагами, пилотку со звездой и серый американский мундир с ремнем. В общем, я был экипирован, как любой югославский партизан. Часто, возвращаясь домой после наступления комендантского часа, при встрече с югославским патрулем, я говорил с ними по-русски, объясняя что был у «двойки». Обычно